

УДК 32

ББК С561.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Т. И. Краснова

Санкт-Петербург, Россия

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПОДХОДЫ И КАТЕГОРИИ

Аннотация. В рамках когнитивистики и культурологии рассматриваются основные категории политического дискурса (текст, идеологический субъект, институциональные рамки, оппозитивность и др.) и подходы к их изучению. Обсуждаемые категории иллюстрируются примерами из текстов современного медиадискурса и эмигрантской русскоязычной прессы XX в.

Ключевые слова: политический дискурс; когнитивистика; идеологический субъект; преконструкт; оппозитивность; когнитивная модальность; когнитивно-семантический дискурс-анализ; медиадискурс.

Сведения об авторе: Краснова Татьяна Ивановна, доцент кафедры речевой коммуникации, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций».

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 197348, г. Санкт-Петербург, п/я 29.
e-mail: taikrasnova@yandex.ru.

Изучение конкретно-исторического дискурса предполагает анализ речевых множеств (текстов) с выявлением дискурсной формации, реконструкцию идеологической основы дискурса и возможность интерпретировать его языковую составляющую как социально-специфическую. В данной статье освещаются общие вопросы когнитивно-семантического направления дискурс-анализа с использованием понятных читателю современных и исторических медиатекстов.

Политический дискурс следует рассматривать как особый объект лингвистических исследований в парадигме когнитивистики и культурологии. Он отличается от традиционных объектов лингвистики языка и речи социально-деятельностной ориентацией и ментальной обусловленностью самого процесса идеологического означивания в структурах «политических дискурсий социума», очевидной и неочевидной вербально-семантической составляющей речи (наряду с образной или предметно-символической), своей категориальной спецификой [Методология исследований политического дискурса].

Мы, в первую очередь, уделим внимание интегративному подходу к пониманию такого сложного взаимодействия, каким является обычное для дискурс-анализа соотношение «текст — дискурс — действительность».

T. I. Krasnova
St. Petersburg, Russia

ANALYSIS OF POLITICAL DISCOURSE: APPROACHES AND CATEGORIES

Abstract. Basic categories of political discourse (text, ideological subject, institutional frames, opposition etc.) and approaches to their study are described within the frameworks of cognitive linguistics and culture study. These categories are illustrated by the examples from the texts of contemporary media discourse and emigrant press of the XXth century in Russian.

Key words: political discourse; cognitive linguistics; ideological subject; pre-construct; opposition; cognitive modality; cognitive-semantic discourse analysis, media discourse.

About the author: Krasnova Tatiana Ivanovna, Associate Professor of the Chair of Verbal Communication, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communication".

Place of employment: St. Petersburg State University.

• Соотношение «текст ↔ дискурс ↔ действительность». Дискурс рассматривают как «экстравертную фигуру» коммуникации [Прохоров 2004: 33], которая отображает одну из конфигураций действительности и существует в текстах в соответствии с этой конфигурацией как социально обусловленное концептуальное представление о действительности через речь. Основной единицей изучения при анализе дискурса является текст (высказывание). Во-первых, текст в широком смысле — основная единица коммуникации (по Г. Вайнриху — первичный способ существования языка). Во-вторых, текст — единица, обладающая референцией [Барт 1978; Бенвенист 1974; Красных 1998; Прохоров 2004 и др.], и в этом своем качестве он способствует образованию конвенциональных форм отображения типичных референт-ситуаций в дискурсе (включает фреймы, сценарии, схемы и т. п.). В-третьих, как явление действительности текст многофункционален по своему социальному назначению и содержит регулятивные средства и структуры, связанные с его функциональными особенностями [Болотнова 2008]. В этом смысле «анализ дискурса стремится превращаться в подлинную дисциплину текстового анализа» [Серио 1999: 17]. Однако рассматривать взаимосвязь текста и дискурса можно только

«сверху», с точки зрения охватывающего их уровня обобщения; а выше — **действительность** и реальная коммуникация в ней. Текст и дискурс «появляются от них» как участники ответного состояния взаимодействия, интерференции (наложения). Утверждается примат «фигуры Действительности», и это не «вообще действительность» (или «вся действительность»), а некоторый ее фрагмент определенной конфигурации [Прохоров 2004: 32, 34]. Скажем, в медиатекстах предвыборной кампании или во времена политico-экономического кризиса «конфигурация» действительности имеет обостренный характер.

• **Спецификативные категории идеологического дискурса.** Дискурс обладает внутренней спецификой. Он содержит идеологически связывающую его «концептуальную нить» и качественно-количественные показатели своей протяженности в текстах, включая так называемые «диагональные высказывания». Такие высказывания могут свидетельствовать о внутренней диалогичности дискурса, об однородности или неустойчивости его идеологического содержания. **Диагональные высказывания** — это повторяющиеся «кважные высказывания, устные и письменные, относящиеся к определенной области знания в определенную эпоху с точки зрения идеологии и образа мысли» [Лейчик 2009: 64]. Решающую роль в газетном дискурсе играет пропагандистская информация. **Активированная идеология**, или пропаганда, понимается в духе господствующих в дискурсе идеологем.

Для обозначения условного «субъекта идеологии» используется наименование **идеологический субъект** (например, идеологический субъект газеты). Он отождествляется с **позицией исполнителя, проводника данной идеологии** (журналист, редактор). В текстах идеологический субъект не отождествляется с личностным началом. Под идеологическим субъектом понимается абстрактный субъект, или *тот условный субъект, кому может принадлежать данный дискурс*. Субъект «кристаллизуется» в дискурсе и существует в коммуникативном пространстве «по диагонали», т. е. во множестве текстов-высказываний. Согласно М. Фуко, он «остается единственным и вместе с тем открытым повторениям, трансформациям, реактивациям» [Фуко 1996: 14]. В дискурсе наблюдаются **идеологические позиции**, которые **характеризуют не отдельных индивидов, а целые политические формации**, вступившие или вступающие в отношения антагонизма. Каждая из таких формаций представляет собой совокупность позиций и

репрезентаций, которые являются более или менее спецификативными. Их специфика в характере **«преконструкта»**, который содержит по-своему интерпретируемый в политике концепт «борьба» и определяет ограничительную рамку развертывания смыслов дискурса. Эта рамка включает первичные формулы — источники конфликта, своего рода «заготовку» для дискурсной формации. Механизм конструирования такой формации и в целом дискурсного пространства обозначил Ж.-Ж. Куртин: «С помощью цитирования, повторного цитирования и образования преконструкта объекты дискурса, которыми овладевает высказывание, приписывая их субъекту акта высказывания, обретают референтную стабильность в области памяти, создаваемой пространством рекурентных формул» [Куртин 1999: 99]. Вертикальность (сфера памяти) говорения проявляется в виде преконструктов «уже сказанного», и это сказанное служит целям **идеологического принуждения**. Яркий пример из эмигрантской печати: «„Красный террор, — заявил Зиновьев, — сильное средство, но ослабления „нажима“ не может быть. <...> Теперь выясняется окончательно, что только партия коммунистов может свободно существовать. Других партий мы не можем терпеть“ (аплодисменты)» (Общее дело. Париж. 1919. 2 апр.).

Принципиально важно, что французская школа дискурс-анализа, положения которой мы поддерживаем, пришла к следующему выводу: на уровне дискурса субъект не находится в центре анализа, т. е. не рассматривается как источник производимого смысла и не считается ответственным за него, хотя и мыслится как составная часть процесса производства смысла. Черты субъекта, которые его определяют, вписаны непосредственно в сам дискурс. **Дискурс — это специфическая область сознательного и бессознательного, превращающая субъекта в подданного.** М. Пешё описывает преконструкт как след в самом дискурсе предшествующих дискурсов (или интердискурсов), поставлявших «сырец» для дискурсной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности. В статусе преконструкта интердискурс детерминирует субъекта, «навязывая и одновременно скрывая его подчинение под видимостью независимости» [Квадратура смысла 1999: 46].

Институционные рамки ограничивают деятельность субъектов высказываний. При этом идеологическим «институтом» производства запретов выступает «„любой организм“, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции» [Се-

рио 1999: 29]. Ограничения касаются содержания и модальности того, что можно и должно говорить (в духе политической или экономической выгоды). Как известно, политический дискурс существует в двух основных разновидностях: *критико-полемической*, направленной против положений, установленных властью (в широком смысле) и *апологетической*, направленной на утверждение таких положений. Эффективными ограничителями свободы действий или свободы суждений оппонента властью могут быть мотивацииластной позиции в выгодных для нее условиях публичного общения. Например, в режиме «власть и народ (прямая телевизионная линия)» используются эмотивно насыщенные формы отриятия с указанием обстоятельств, ограничивающих перспективу критики. Из корреспонденции А. Колесникова:

«Тут последовал вопрос Павла Захарченко из Белгорода, жаждавшего крови, **то есть скорейшей отставки правительства.** Безусловно, президент готовился к ответу на этот вопрос.

Выяснилось, что „правительство не работает еще и года“.

— **Года не прошло!..** — еще раз воскликнул Владимир Путин. — **Люди года не проработали!** Конечно, претензий наверняка и за это время накопилось немало, но нужно дать людям реализовать себя или понять, что кто-то не в состоянии этого делать, **но за год это невозможно**» (Коммерсант. 2013. 26 апр.).

Ограничения на критико-полемический дискурс накладываются в условиях такой общественной интеракции, как «прямая линия с В. Путиным». Не важно, звучат ли мотивации в прямой речи президента или передаются корреспондентом с креном к юмористической интерпретации события: концепт *оппозитивности* сохраняется.

«После этого Владимир Путин в очередной раз защитил Анатолия Чубайса, на которого в очередной раз напали:

— Заявить, что Чубайс преступник, — не по-честному, неправильно, и мы так делать не будем.

И еще одного *обиженного человека защитил* на прямой линии Владимир Путин — Алексея Миллера. *Обижает его журналист Михаил Леонтьев, инкриминируя ему невнимательное отношение к сланцевому газу...* Президент *предъявил сланцевому газу очень серьезные претензии*.

Оппозитивность, идеологическое противоположение — структурный показатель дискурсного процесса в политике. Возможна некая концепция «точки зарождения» акта

высказывания. Эта точка понимается не как субъективная форма, а как *позиция, в которой на уровне дискурса субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы*. В любом случае в дискурсе ощущается наличие ядра с устойчивым смыслом.

Функционирование дискурса по отношению к самому себе, т. е. совокупность явлений «кореференции», дает дискурсу то, что можно назвать «нитью дискурса», и, как правило, называют «интрадискурсом». **Инtradискурс** представляет *концептуальное начало дискурсной цепи*. В вышеприведенных примерах инtradискурс лица власти вплетен в дискурсивную ткань газетной корреспонденции. В инtradискурс власти входит негласной составляющей дискурс знания, а на его основе — групповой дискурс мнения. Идеология, являясь интерпретацией смысла в определенном направлении, порождает избыток концептуальной информации, которая дает эффект очевидности. Одним из результатов такой избыточности является широкая представленность концептуализированных фреймов в медиадискурсе.

Главным является строевой **фрейм «Борьба**, политическое противостояние». Общий для всех видов политического дискурса является *оппозитивный способ ментальной и вербальной презентации данного положения* (в примерах оппозитивность обозначена графически). «Борьбу» можно понимать как своего рода состязательную деятельность, в которой онтологически заложены отношения концептуальной противоположности. Любая борьба предполагает наличие не просто участников, а *соперников* (противников, врагов), тех или иных *инструментов борьбы* (вооруженное вмешательство, терроризм; радикальный вид идеологии). Предполагается и потенциальная роль *наблюдателя* событий с идеологией невмешательства.

На всех этапах развертывания дискурса с фреймом «Борьба» направление означивания задает *политико-идеологическая оценка*. Поддержка именно таких стратегий информирования в медиатекстах оказывается основанием для группировки изданий по идеологическим видам дискурса. При этом **языковые формы** рассматриваются как *средство реализации культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами общества оценки и ценностные ориентации, иными словами, являются семантическими формами, отражающими групповые интересы в социокультурном контексте*. Вопрос о характере и видах контекста — один из главных при анализе дискурса.

• **Целостный контекстологический подход и полевая модель дискурса.** Главным для проведения исследований стал вопрос о возможности полноценного анализа дискурса с учетом многих факторов — ряда внешних и неоднозначного человеческого. Операциональное понятие контекста позволяет искусственно выделить разные ипостаси мира дискурса, временно забывая об их синтезе в человеческом сознании. Связанные с контекстом понятия центра и периферии, «прототипический» подход к изучаемому объекту в филологии хорошо известны. Целый ряд наук (литературоведение, лингвистическая прагматика, социолингвистика, функциональная грамматика) традиционно применяют их. Но именно когнитивная лингвистика, по мнению ее бельгийского представителя Д. Герартса, «реабилитировала» понятие контекста, и «именно она занимает наиболее радикальную позицию по этому вопросу» [Скребцова 2009: 154]. В монографии «Другой голос» [Краснова 2011] мы попытались показать эволюцию отечественной социальной лингвистики, вынужденной в политico-идеологизированном контексте считаться с диктатом власти в советской России. В 80-х гг., когда произошла «реабилитация» властью конкретных социолингвистических исследований, обозначилась и «смена научной парадигмы». В разделе монографии «Новое направление лингвосоциальных исследований (эпистемологический перелом)» говорится о когнитивной революции, которая была одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах. С этим же связано появление вопроса о дискурсе.

Большинство ученых, за некоторым исключением (обзор см. в следующей работе: [Прохоров 2004]), сопрягают понятие «дискурс» с миром *внешней* действительности, с экстралингвистическими факторами коммуникации, а также с отражением в речи субъект-объектной интерпретации мира *внешней*. С иных позиций рассматривают «дискурс» ученые, считающие это понятие зависящим от *внутренней* динамики субъективности, от психической сферы человеческой активности. Коротко остановимся на двух работах известных французских семиологов. Противоположные по подходам, эти работы дополняют друг друга в рамках целостного анализа дискурса.

Внешний (внесубъектный) контекст исторического дискурса (М. Фуко). В «Археологии знания» автор утверждает приоритет поиска внешнего поля регулярностей: «Дискурс — это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест». «Дис-

курс ... понимается не как разворачивающаяся грандиозная манифестация субъекта, который мыслит, познает и говорит об этом, а как совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и вместе с тем его прерывности». Впрочем, «извлечение» субъекта — исследовательский прием. Фуко поясняет: «...я всего лишь отменяю любое внутреннее в этом беспредельном „вне“» [Фуко 1996: 206].

Условия, при которых появляется объект дискурса, — это исторические условия. Они, согласно М. Фуко, «определяют не внутреннюю конституцию объекта, а только то, что позволяет ему появляться из переплетений других объектов и располагаться относительно их <...> — все это полагает дискурс в поле внешнего». Фуко говорит об отношениях зависимости на первичном уровне — они формируют объект дискурса, и об отношениях зависимости на вторичном уровне — дискурсивном. Ср.: «Хотя объекты формируются независимо от дискурса, они определяют пучки связей, которым дискурс должен следовать» [Там же].

Внутрисубъектный контекст семиотического дискурса (А.-Ж. ГРЕЙМАС, Ж. ФОНТАНИЙ). У авторов «Семиотики страстей» внутренний контекст, дискурс — имманентные структуры, предназначенные для выражения условий и предпосылок манифестации смысла. Устанавливается зависимость дискурса от присущей субъекту динамики страстей. В центре внимания — восприятие и чувствование. Акцент на чувствование стал тем, что называется авторами «феноменом выражения»: присутствие возникает «раньше» особенности; «чувствование объекта возникает в дискурсе раньше, нежели дискурсивный объект» [Греймас, Фонтаний 2007: 17]. Постулируется важнейшая категория тенсивности (внутренней напряженности). Как известно, с напряженностью связано понятие агрессивности [Речевая агрессия 1997]. Согласно «Семиотике страстей», отношения между познающим субъектом (как оператором) и элементарными внутренними структурами (как представлением познаваемого мира) строятся в результате трансформации мира. Действие субъекта моделируется в эпистемическом сознании как «абстрактная операция». Требуется вообразить условия осуществления этого внутреннего действия как некую *модальную компетенцию* нарративного субъекта, делающую возможной данное осуществление (трансформацию). Ставится вопрос о «способе существования» модальной компетенции. При этом «помимо модальной компетенции за охваченным страстью субъектом следует

признать также и компетенцию *семантическую* [Греймас, Фонтаний 2007: 322].

Мы связываем способ существования сознания нарративного субъекта в дискурсе с *идеологической модализацией*, которая изнутри является источником всех операций. Она рассматривается как предварительное условие (контекст) и как потенция действия. Для нас важно, что компетенция существует прежде всего как состояние, в котором находится субъект. Это внутреннее состояние является формой его «бытия», формой актуализированной и предшествующей реализации. Теоретическое разделение мира внешнего и мира внутреннего должно преодолеваться рассмотрением их живой связи. Это возможно с учетом процесса модализации. «Строго говоря, — отмечал И. М. Сеченов, — внешние условия не следовало бы отделять от умственных и нравственных данных личности, потому что они действуют не иначе, как через посредство последних» [Сеченов 1947: 311]. Очевидно, в исследовании имеет смысл «двигаться» при изучении модализованных дискурсивных объектов с двух сторон: 1) со стороны «исторического» контекста (мира «вещей», включая мир идей) и 2) со стороны внутрисубъектного контекста (референтов «дискурса страстей», показателей *одобрения, осуждения, ревности, мести* и пр.).

Ниже обозначим основные факторы, определившие оппозитивность коммуникации в российском дискурсе со стороны внешнего поля и внутреннего поля его референтных зависимостей. Наименование «поле» используется как аналог «контекста», но такой аналог, который позволяет говорить о контексте не с точки зрения определенного направления, трактовки, а в расширенном понимании. Отметим три внешних фактора оппозитивного характера коммуникации в дискурсе: историко-социальный, социально-политический и культурный. В содержании коммуникативных конфликтов основным является расхождение между идеальными и реальными составляющими общественного сознания, конфликт между целью и средством ее достижения и проч. Однако следует учитывать и психологическую сторону этих составляющих: чувство неудовлетворенности (сострадания, обвинения, мести), осознание невозможности реализовать свои замыслы, конфликт в системе общественных ценностей, моральных норм и настроений. Огромную роль в дискурсе играет выражение модальности, процесс идеологической модализации продуцируемых текстов.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛЕ ЗАВИСИМОСТИ: ОППОЗИТИВНАЯ МОДАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ. Зарубежная

философия языка явно психologизировалась с появлением работы Дж. Р. Серля «Интенциональность» (1983). Интенциональные состояния (с которыми связана модализация) стали «инструментом соотнесения субъекта с внешним миром», так как представляют собой «фундаментальное и целостное свойство сознания» [Серль 1987: 123], более фундаментальное, чем язык. В то же время у Серля язык «выводим из интенциональности» [Там же: 101].

В отечественной психолингвистике трудно переоценить вклад в понимание скрытой стороны речи Л. С. Выготского. Именно благодаря его работе «Мышление и речь» естественным становится представление, что «интровертивная» сторона коммуникации (текущее и направление мысли) зависит от состояния в мотивирующей сфере сознания. Модализацию можно соотнести с речевым переживанием, которое является внутренней стороной потока речи или внутренней речью. «Внутренняя речь есть вовсе не речь, а мыслительная и аффективно-волевая деятельность», и она включает в себя мотивы речи [Выготский 2005: 303]. Идеологическая модализация пронизывает смысл слова, если высказывание находится в структуре «дискурса страстей». Л. С. Выготский отмечает: смыслы как бы вливаются друг в друга (влияют друг на друга), так что предшествующие как бы содержатся в последующем и его *модифицируют*: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция» [Там же: 343]. Добавим, что *мыслительная деятельность* конструктивна, связана с идейным построением — жизненным, смутным или сложившимся общественным. Так или иначе она содержит идеологические концепты исходного конструкта и подразумевает реакции сознания на происходящее в виде модальных действий *приемлю (соглашаюсь) / не приемлю (сомневаюсь)*.

Аффективно-волевое неприятие (несогласие) и есть подоплека оппозитивного дискурса. Мотивы одобрения или неодобрения, открыто или неосознанно для нас обусловленные преконструктом, порождают какую-либо мысль и причастны к оформлению этой мысли. Модализация влияет на характер высказывания. Как известно, в речи истинность и ложность характеризуют не событие, а утверждение о событии. Благодаря модализации и ее ментально-психологической подоплеке решают-

щая пресуппозиция — «приемлю» или «не приемлю» — влияет на утверждение от лица говорящего. Им демонстрируется категорическая уверенность или сомнительность утверждаемого.

По мысли авторов «Семиотики страстей», коммуникация сначала существует *внутри конфигурации* диалогического. Передаваемые друг другу объекты-сообщения — это прежде всего *модальные объекты*. В частности, испытываемое субъектом чувство неприятия — это *внутренняя установка* на несогласие, или на отрицание определенных явлений, противоречащих убеждениям, ценностям и, наконец, потребностям субъекта. *Неоднозначность процесса модализации сознания* в том, что смысловую сферу человека рассматривают как арену противоборства между разными векторами (направленностями).

Таким образом, проблема изучения идеологической оценки и модализации дискурса связывается с широко понимаемой категорией модальности, модуса и аффективно-риторическим противодействием *другому* в дискурсе страстей. По нашим представлениям, формацию оппозитивного дискурса обеспечивают модусные концепты *приятие/неприятие*, детерминированные идеологическим преконструктом и вместе с ним составляющие *идеологическую пресуппозицию* дискурсных высказываний.

Модусные концепты «приятие»/«неприятие» как дотекстовые составляющие идеологической пресуппозиции. Содержание сознания не случайно отождествляется с идеологией [Волошинов 1993]. Поначалу в сознании могут находиться расплывчатые и субъективные концепты аксиологического и модального планов. Переход от них к жестким программам человеческой деятельности осуществляется в акцентированном высказывании, в тексте (Н. Д. Арутюнова). Условно говоря, ментальная система оппозитивности основана на закономерностях, лежащих в основе соответствующего аспекта поведения и предопределяющих то, какая картина мира демонстрируется. Каковы эти закономерности?

1. Концепты модализации «приятие»/«неприятие», характеризующие *внутренний контекст* высказываний в дискурсе, уже **предполагают** конфликтное взаимодействие на фоне негативных эмоций.

2. Следствием становится *акцентированная* в речи *плозиция*, нередко выступающая как аффективированное нарушение нормативного поведения.

3. В скрытом виде **актуализируется** роль преконструкта, а модализация на его осно-

ве влечет за собой *осмысление слов* в рамках действующей идеологии.

Рассмотрим один показательный пример из эмигрантской печати времен Гражданской войны в России. Речь пойдет о пробольшевистском дискурсе в газете «Голос Труженика» (Чикаго, 1919). Метаязык ее дискурса своеобразен, так как подразумевает в качестве преконструкта спецификативную идеологию классовой борьбы. Информация, входящая в слово-концепт «большевизм» русской газеты в Америке, семантизируется в двух направлениях: в *предметно-тематическом* ('активная деятельность с позиций силы') и в *модальном* ('вызывающая одобрение деятельность').

«*Течение большевизма идет все дальше к нашей великой радости... Большевизм является народным восстанием против старого режима... Захватывая власть, большевики занимают места, где раньше сидели сатрапы старого режима. Типичная большевистская революция — это политическая революция — насилино... Можно ожидать, что волны большевистских восстаний захватят всю Европу»...*

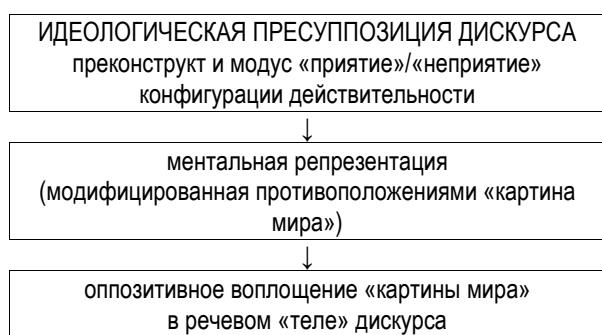
При содержащейся в тексте семантике *отрицания* (в наименованиях «старый режим», «сатрапы старого режима», «восстание против», «насилино», «захватят») идеологическая оценка *позитивная*. Более того, семантика одобрения в тексте усиливается *не только вопреки, но благодаря* тому, что присоединяет и преображает конкретные смыслы негативно описанного. Смыслы трансформируются в сторону интерпретации 'устранение врага', 'успешно преодолеваемое препятствие'. *Процесс переосмысления осуществляется* путем движения по линиям верховых отношений *через высшую меру общности — покровы идеологического понятия* ('важный успех большевиков', 'успех политической борьбы'). Охватывающий высказывание смысл в модусе приятия не однолинеен. В тексте он складывается по крайней мере из двух линий пропагандистской модализации: *утверждения очевидности* происходящего; *уверенности* в том, что так и должно быть.

Идеологически ценные аспекты означивания, связанные со сверхсмыслом языковых выражений, на первый взгляд могут показаться парадоксальными. Примером может служить оппозитивный смысл предыдущего текста в терминах общей оценки: 'Хорошо, что плохо сатрапам старого режима'. Оценка распадается на две составляющие — *модусную* идеологическую и *диктумную* фактологическую: *модХорошо, что фактплохо сатрапам старого режима*.

Модусная оценка относится ко всему высказыванию, и ее определяют мотивированные идеологией концепты амбивалентного отношения: *неприятие* классового врага / *одобрение* борьбы с ним.

Так или иначе **знаки** (+/-) смысла и **степень** идеологической оппозитивности **связаны с когнитивным модусом и модальностью**. Мы придерживаемся того мнения, что широкое понимание модальности, включающее актуализирующую рамку, идеологическую оценку и другие квалификативные категории, оказывается наиболее плодотворным для изучения идеологической организации высказываний в дискурсе. По механизму речевого действия идеологическая оценка связана с глаголами, которые обозначают состояния духа и выводимые мыслительные операции: я думаю, заключаю, что... Такое предложение-«модус» возникает в ментальном поле дискурса **на основе ценностного преконструкта**, определяя способ репрезентации. Соответствует преконструкту **модальное** сопровождение и **утверждение приятия** или **неприятия** картины действительности.

На нижеприведенной схеме детерминирующие оппозитивность идеологические понятия *преконструкт* и *модус категорического приятия/неприятия* пропозиции включены в структуру порождения дискурса.

Стоит подчеркнуть, что слова и прочие языковые единицы возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты, активизируют сложные сущности и поэтому способны имплицитно выразить ментальные состояния. Отличительной чертой морализованного пропагандистского дискурса является картина мира, детерминированная представлениями о добре и зле, пользе и вреде. Модальные отношения одобрения/неодобрения выражаются в высказываниях признаками, которые (в широком смысле) выступают признаками связи сообщаемого с идеологией говорящих. Однако в философской этике отмечается предельная степень относительности таких понятий морального сознания, как добро и зло. Зачас-

тую они не различаются по причине индивидуальных (и тем более классовых) предпочтений, «из-за динамики ситуации с ее переменчивым и необратимым смыслом, из-за определенных социокультурных условий, по причине полисемичности и многофункциональности самого феномена морали» [Новейший философский словарь 1999: 223]. В этом смысле характерно особое положение в эмигрантских газетах (ЭГ) центрального объекта оценки с наименованием «большевики», «большевизм». В анти^{ЭГ} в дескриптивной структуре высказываний имя приобретает смысл агента противоправных действий, а в ^{проб}ЭГ — смысл агента поощряемых классовой идеологией действий. В идеологическом контексте речи **оппозитивная оценка** (общая — хорошо/плохо и спецификативная — преступление/благо) **актуализируется** и входит в семантику слова «большевизм». Она же **отмечает** имплицитно или эксплицитно выраженную **модальность** высказываний **по диагонали**: 'Хорошо, что существует большевизм в России и распространяется по всему миру' // 'Плохо, что существует большевизм в России, так как он угрожает всему цивилизованному миру'.

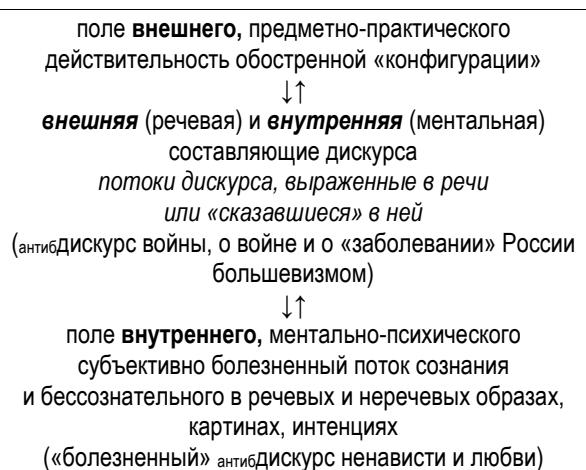
Таким образом, оппозитивность существует, во-первых, как *социопсихическая реакция* на происходящее, во-вторых, как *идеологически устремленная модализация*, которая как раз и вносит в речевое «тело» дискурса третье — соответствующую действительности (ее восприятию) *строктуру когнитивно-семантического противоположения*. Нельзя не отметить и другое. Положительная и отрицательная оценки сообщаемого связываются с иными квалификативными видами модальностей — утверждающе-констатирующей, долженствовательной или гипотетической, выражающей надежду или угрозу и т. п. Тем самым в материале со структурой смысловой оппозитивности выражается не просто мысль, ее замещает **противоречие действительности**, выражается **проблема**. Ниже это будет проиллюстрировано схемой с пояснениями.

ПОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ ОППОЗИТИВНОГО ДИСКУРСА о России (1919 г.). Говоря о структуре дискурса, обычно в ней выделяют два компонента — экстралингвистический и лингвистический (текстовой). Мы считаем такую модель неполной. Есть еще третий, внутренний, ментально-психический компонент структуры. Он связан не столько с экстралингвистической, сколько с *интрапарлентической* стороной высказывания — с дискурсивным переосмыслением слова в языке,

идентифицирующим менталитет определенной группы.

Дискурс — экстравертивная фигура коммуникации вследствие принадлежности к исторической действительности. Дискурс — это и есть действительность, только ментальная, хотя в том числе и предметно-практическая речевая. Описание дискурса возможно лишь в контексте, и не одном. Теоретически дискурс в реальном пространстве существования имеет внешнее поле и внутреннее поле зависимостей.

Условно внешнее поле зависимости дискурса образует сама предметная действительность (противоречивая реальность). Условно внутреннее поле зависимости дискурса образовано социопсихической реальностью и рамками групповой идеологии, в которую погружен дискурс и его концепты. Оба поля существуют в синтезе, характеризуются взаимопроникновением. Это иллюстрирует следующая схема, основанная на материале господствующей в эмигрантском дискурсе времен войны антибольшевистской разновидности.

Подведем итог вышеизложенному.

Вопреки преобладающему в научной литературе мнению, **дискурс далеко не только речь и даже совсем не речь**. Это возникающие под воздействием внешнего и внутреннего мира говорящих текучие образы, картины, мысли, интенции, т. е. **ментальные состояния**. Дискурс является речью и пресуппозицией к ней, «поступком и внутренним комментарием» к нему (В. Н. Волошинов). Дискурс может быть двойственным, например общим (для всех) и индивидуальным, в том числе бессознательным (Л. Альтюссер, М. Пешё). В текстах он может быть параллельно-множественным, например одновременно сообщением о войне и дискурсом войны, аффективным дискурсом ненависти и дискурсом сострадания. Характер-

но мнение П. Ф. Стросона: «...мы можем охотно допустить, что типы намерения, направленного на слушающего, могут быть очень разнообразными и что различные типы могут быть представлены одним и тем же высказыванием» [Стросон 1986: 150].

Дискурс — *непрерывный поток ментального*, в то время как высказывание лишь конфигуративный «остров» в этом потоке.

Первичные отношения в реальности, о которых говорил М. Фуко в связи с формацией дискурса, являются возбудителями «рефлексивных отношений» в ментальных механизмах дискурса. Изучение связей между «обстоятельствами» речи и собственно процессом ее порождения отвечает не только интересам когнитивной науки, но также социальным задачам журналистики с ее поисками причин тех или иных действий. Эта область должна быть представлена в теориях дискурса исследованием онтологического и психического контекстов как особого глубинного уровня текстов, делающего возможным их создание и понимание.

Исторические условия обычно формируют оппозитивный объект политического дискурса в системе первичных отношений. Изучение этих отношений — предмет интегративной науки в исследованиях социального дискурса. Оппозитивный дискурс понимается нами как идеологическая формация, которую невозможно рассматривать в отрыве от такого явления, как «мир дискурса», и его интерпретации. Целесообразно выделить три общих ориентира в интерпретации феномена **мира дискурса**.

- Мир дискурса — это **поле внешнего предметно-практического**, включающего материальную и идеальную стороны действительности. Поле внешнего как одна из социальных ипостасей дискурса подразумевает дотекстовой предметный мир, особую часть которого составляет **мир идеологии**.

- Мир дискурса — это **поле внутреннего ментально-психического**. Поле внутреннего подразумевает модализованное состояние сознания субъекта до и во время акта речи. В конечном итоге психическое переживание суть становящееся внешним внутреннее. Оно представляет собой такую ипостась дискурса, в которой «психика снимает себя, уничтожается, становясь идеологией» [Волошинов 1993: 254].

- Центр (ядро) политического дискурса составляет языковая картина мира, *трансформированная модализованным сознанием в речевую реальность с оппозитивной структурой*.

Под **оппозитивностью** понимается идеологически мотивированная модализа-

ция, пронизывающая деятельность субъекта сознания и проявляющаяся в виде отношения неприятия (недоумения), которое сформировалось в ходе интерпретации действительности с позиций противодействия (или умственного противоположения) на базе идеологического преконструкта. Во внутреннем контексте с его специфическими референтами мы имеем дело с определенным типом идеологической оценки, которая включается в общий когнитивно-семантический процесс модализации дискурса.

Идеологическая оценка с ограничивающим ее концептом «приятие» или «неприятие» распознается в дискурсе как *модальная рамка*, которая накладывается на дескриптивное содержание языковых выражений, но, строго говоря, определяется видом дискурса в целом, т. е. всем комплексом его элементов, включая идеологический преконструкт, общую модализацию, точку зрения, ситуативную пресуппозицию высказывания, стереотипы и шкалу оценок, которые существуют в социальных представлениях говорящих (или созданы усилиями групп).

Очевидно, что в мире дискурса (социальном, виртуальном, мифологическом) происходит столь значительное обращение и превращение смыслов языковых сущностей, что можно было бы говорить о новой реальности человеческого сознания в языке, во всяком случае о «переконцептуализации общественного сознания» (А. П. Чудинов). В частности, идеологическая модализация способствует процессу неоднократного переосмыслиния слова в дискурсе, она связана с ценностными источниками смысла и может меняться под диктатом предшествующей высказыванию идеологии (преконструкта). Исследования политического дискурса в разных научных школах в Западной Европе (британской, голландской, французской), в Беларуси, в России дают основания констатировать тот факт, что, наряду с лингвистикой языка и речи, доказала свое право на существование и лингвистика дискурса [Подр. см.: Методология исследований политического дискурса; Чудинов 2001; Краснова 2011].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 442—449.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / предисл. Ю. С. Степанова. — М. : Прогресс, 1974.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. — Томск : Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2008.
4. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов [М. М. Бахтин]. — М. : Лабиринт, 1993.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М. : Лабиринт, 2005.
6. Греймас А.-Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страсти : от состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. — М. : Прогресс, 1999.
8. Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917—1920(22). — СПб. : Северная звезда, 2011.
9. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). — М. : Диалог-МГУ, 1998.
10. Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла. — М. : Прогресс, 1999. С. 95—104.
11. Лейчик В. М. Стереотипность и творчество в дискурсе (рапсодия в стиле «дискурс») // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Пермь, 2009. Вып. 13. С. 64—73.
12. Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / под общ. ред. проф. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск, 1998.
13. Новейший философский словарь / сост. А. А. Гричанов. — Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1999.
14. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. — М. : Флинта : Наука, 2004.
15. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997.
16. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. — М. : Прогресс, 1999. С. 12—53.
17. Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. — М. : Прогресс, 1987. С. 96—126.
18. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. — М. : Госполитиздат, 1947.
19. Скребцова Т. Г. Конференция «История когнитивной лингвистики» // Вопросы языкоznания. 2009. № 6. С. 153—155.
20. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 130—150.
21. Фуко М. Археология знания : пер. с фр. / общ. ред. Б. Левченко. — Киев : Ника-Центр, 1996.
22. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры (1991—2000) / Урал. госуд. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. И. П. Лысакова